

Мяо Цзунпин, дядя по материнской линии вдовствующей императрицы, обладал высоким рангом — он был сановником третьей ступени, титулованным как Цзинь-цзы Гуанлу Дафу. Даже сам Сын Неба относился к нему с немалым почтением.

Шэнь Цюэ чинно поклонился ему, но, не дождавшись ответа, опустил голову и собрался пройти мимо.

Мяо Цзунпин издал холодный смешок. Его телохранитель, куньлунский невольник, тут же шагнул вперед и, вцепившись в воротник Шэнь Цюэ, заставил того остановиться.

— Я разве разрешал тебе уйти? — Мяо Цзунпин искоса взглянул на него и взмахнул рукой. Следовавший за ним слуга тут же опрокинул поднос, который держал в руках, и подношение в виде пагоды с грохотом рухнуло на землю.

Серебряные монеты с глухим звоном рассыпались по полу.

— Эй, люди! — голос Мяо Цзунпина прогремел, словно колокол. — Этот человек преследовал меня всю дорогу, засел в храме и замыслил покушение! Схватить его!

По его приказу десяток стражников набросились на Шэнь Цюэ, скрутили его и прижали лицом к каменным плитам пола.

Если бы Шэнь Цюэ начал сопротивляться, эти люди вряд ли смогли бы его удержать, но если бы он пустил в ход оружие и пролил кровь, обвинение в покушении стало бы неоспоримым фактом. Поэтому он почти не двигался, позволяя им связать себя.

В то время как двое слуг в резиденции Янь-вана пребывали в нерешительности, в комнату внезапно ворвался Мяо Цзунпин с охраной.

Шэнь Ло опустил на одно колено и выпалил:

— Ваше Высочество, А-Цюэ схватил Мяо Цзунпин!

Лицо Се Шигуаня слегка изменилось, но эта эмоция тут же исчезла. Он поднялся с места:

— Когда это случилось?

Се Шигуань промолчал. Если прошло немного времени, значит, он еще жив.

— Под каким предлогом Мяо Цзунпин его задержал? — снова спросил Се Шигуань.

В этот момент слышались торопливые шаги. Двое ворвались во двор, даже не удосужившись доложить о своем приходе.

В их глазах читался страх. Тот, что был полнее, пробормотал:

— Может, стоит отправить гонца в резиденцию Янь-вана? Вы же знаете, кто там живет. Если он узнает, что пострадал его человек, он разнесет здесь всё до основания.

Впереди — сам Янь-ван, позади — дядя императрицы. Обидеть любого из них — верная гибель.

День клонился к закату, солнце скрылось за горизонтом, небо посерело, словно собираясь пойти снегом.

— Покушение? — Се Шигуань холодно усмехнулся. — Послать мою личную охрану, чтобы лишить его никчемной жизни? Да он того не стоит.

Тем временем в темнице.

Два тюремщика, глядя на доставленного заключенного, узнали бирку, висевшую на поясе Шэнь Цюэ. Один из них прошептал другому на ухо:

— Это человек из резиденции Янь-вана.

— Что случилось? — Се Шигуань по-прежнему выглядел расслабленным. — С чего такая спешка?

Император был еще мал и ленив, поэтому последние несколько дней все доклады проходили через резиденцию Янь-вана. Се Шигуань полдня просидел в кабинете, рассматривая бумаги и накладывая синие резолюции. Закончив, он отложил кисть и посмотрел в маленькое окошко.

Пока он шел к выходу, служанка догнала его с лисьей шубой, которую Шэнь Сянчжи поспешно принял и накинул на плечи господина.

У Шэнь Ло глаза были красными от лопнувших сосудов, под ними залегли темные круги. Подбежав, он схватил Шэнь Цюэ за горло и с силой ударил его головой о стену.

— Около часа назад, — Шэнь Ло был на грани слез. — Весть принес один чиновник восьмого ранга, которого вы сами повысили в прошлом году. Он был в храме Десяти тысяч Будд со своей женой, увидел, как дядя императрицы уводит человека, и поспешил сообщить.

Шэнь Ло поспешно ответил:

— Попытка покушения.

Се Шигуань нахмурился, глядя на двоих вошедших. Шэнь Ло тяжело дышал, на его лице читались тревога и беспокойство, даже всегда невозмутимый Шэнь Сянчжи выглядел встревоженным.

Полчаса спустя, резиденция Янь-вана.

— Это Се Шигуань послал тебя убить меня! — взревел Мяо Цзунпин. — Так ведь?!

Позавчера в тюрьме Далисы Мяо Чуньюй отказался от своих показаний, а свидетели изменили свои слова. Глава Далисы за одну ночь пересмотрел приговор: смертную казнь заменили на ссылку за три тысячи ли с тремя годами каторжных работ и пожизненным запретом на возвращение в столицу.

На следующее утро дядя императрицы узнал об этом, но конвой с Мяо Чуньюем уже покинул город.

Мяо Цзунпин в спешке собрал отряд охраны, чтобы те догнали конвой и защитили его единственного наследника. Он уже обдумывал план, как выкрасть племянника, но пришло известие: Мяо Чуньюй похищен, местонахождение неизвестно.

Сначала Мяо Цзунпин подумал, что это дело рук его сестры — она во дворце, новости доходят быстро.

Но не прошло и часа, как пришла новая весть: Мяо Чуньюю вспороли живот, отсеки мужское достоинство и в ужасном виде бросили на берегу реки.

Сначала дядя не поверил, но, увидев тело, был вынужден смириться. А когда взглянул на раны, понял: это не нож, это следы укусов диких собак!

Все понимали, что это дело рук маркиза Уаня, но люди, посланные Мяо, даже не успели увидеть Мяо Чуньюя живым. Улик не было.

Мяо Цзунпин, вне себя от ярости, ворвался к императору, требуя арестовать маркиза Уаня, чтобы учинить допрос. Но указ был уже подписан: послезавтра маркиз должен отправиться в Западную Сычуань подавлять мятеж. К тому же, без доказательств, на каком основании можно бросить в Чжаоюй заслуженного ветерана?

Пальцы Мяо Цзунпина сжимались все сильнее. Лицо Шэнь Цюэ покраснело от удушья, но взгляд оставался непоколебимым.

Он не боится смерти, и Мяо Цзунпин это знал.

Он — верный пес, выкормленный Се Шигуанем. Десять лет клика Мяо пыталась подкупить его золотом, драгоценностями, красавицами — ничто не могло поколебать его преданность.

Видя, что дядя императрицы готов задушить пленника, двое тюремщиков переглянулись и бросились разнимать их.

Мяо Цзунпин отпустил его и, развернувшись, пнул обоих:

— Остолопы!

Признательных показаний нет, протокол не подписан. Если он сейчас убьет его, а Янь-ван потребует ответа, отвечать придется всей тюрьме.

Тот господин не станет разбираться, тяжело ли было маленькому тюремщику, он просто перевернет здесь всё вверх дном.

— Се Шигуань считает меня дураком? Говорит о справедливости, о сочувствии к моему горю, к тому, что у меня не осталось наследников, — расхохотался Мяо Цзунпин. — Мой глупый племянник думал, что он добр и хочет оказать услугу клану Мяо, а на самом деле он давно в сговоре с маркизом Уанем! Бедный мой Чуньюй!

— Какое преступление совершил невинный ребенок!

Шэнь Цюэ холодно смотрел на него. Тот невинный ребенок, о котором он говорит, не добившись руки дочери маркиза Уаня, подстроил убийство ее жениха, а затем вместе с шайкой подонков обесчестил девушку.

После этого дочь маркиза в отчаянии повесилась в своей комнате на белом шелковом шарфе.

В глазах Мяо Цзунпина погибший молодой чиновник не был невинным, девушка, доведенная до самоубийства, не была невинной, старик, хоронящий своего ребенка, не был невинным.

Только его собственный отпрыск, виновник всех бед, был невинным. Как же это смешно.

Почувствовав в глазах Шэнь Цюэ насмешку, Мяо Цзунпин снова пришел в ярость. Если он не может тронуть Се Шигуаня, неужели он не может избить его собаку?

— Чему ты улыбаешься? — Мяо Цзунпин отвесил ему пощечину. — Ничтожество, кто позволил тебе смотреть на меня?

От сильного удара голова Шэнь Цюэ дернулась, зубы прокусили нижнюю губу, во рту появился привкус крови.

— Я еще раз спрашиваю, — проревел он, — это Се Шигуань, которому не по нраву мой клан, послал тебя убить меня? Да или нет!

Шэнь Цюэ поджал губы и на этот раз по-настоящему улыбнулся. Он сплюнул кровавую слюну прямо в лицо Мяо Цзунпину. Он не мог говорить, но его взгляд был красноречивее слов.

Даже если он убьет его, Шэнь Цюэ не признается.

Очередная пощечина. Мяо Цзунпин вытер лицо, его борода дрожала от гнева.

— Пытать, — прохрипел он. — У вора язык без костей, не хочет признаваться — бейте до смерти!

Тюремный надзиратель, тоже состоявший в клане Мяо, услышав приказ, отправил двоих стражников за мешком, а сам принес Мяо Цзунпину кресло.

— Господин дядя, присядьте, — улыбнулся надзиратель. — Плетки и палки оставляют некрасивые следы. В этом мешке камни — человек умрет, а на теле не останется ни царапины, все повреждения будут внутри.

Пока он говорил, стражники уже приступили к делу.

Мешок весом в десятки футов с глухим стуком опускался на тело Шэнь Цюэ. Тот даже не поморщился, принимая удары. Во рту бурлила кровь, внутренности болели так, словно их раздробили.

— Плохо, что он немой, — заметил надзиратель. — Ни криков, ни стонов, скучно.

Неизвестно, какой по счету удар пришелся прямо в грудь. Шэнь Цюэ не выдержал и исторг из себя сгусток крови, который упал в полушаге от его ног.

Капля за каплей — расцвел кровавый цветок.

Шэнь Цюэ почувствовал, как мир закружился, шум в ушах стал невыносимым, и внезапно он перестал что-либо слышать.

Но в следующий миг ведро ледяной воды вылили ему на голову. Зимой эта талая вода была острее ножа.

Шэнь Цюэ судорожно вздрогнул, сознание прояснилось. Прическа растрепалась, ледяная вода стекала по волосам, капая на лицо.

— Ты преследовал господина Мяо, засел в храме Десяти тысяч Будд и замыслил покушение, — тюремщик схватил его за растрепанные волосы. — Кто тебя прислал? Говори!

Мяо Цзунпин немного успокоился и, сидя в кресле, попивал чай, приготовленный надзирателем:

— Если признаешься, мучения закончатся. Они даруют тебе быструю смерть.

Шэнь Цюэ, поддавшись силе рук тюремщика, поднял лицо. Насмешка в его глазах стала еще отчетливее. Он открыл губы и беззвучно произнес два слова.

Мяо Цзунпин не расслышал и спросил надзирателя:

— Что он сказал?

Надзиратель замер, а затем ответил:

— Он сказал...

— Примите мои соболезнования.

Мяо Цзунпин был взбешен. Его единственный оставшийся наследник мертв, он не спал несколько дней, ненависть к Се Шигуаню грызла его изнутри, но он не мог тронуть даже волоска на его голове.

Эти слова вновь напомнили ему, что его единственный род продолжатель ушел из жизни.

Мяо Цзунпин, не в силах сдержать горе, словно сдувшийся мех, откинулся на спинку кресла. Спустя долгое время он произнес:

— Наказать его расческой.

Он хотел, чтобы тот умер в мучениях.

Тюремщики поставили прямо перед Шэнь Цюэ железный котел с кипящей водой, сняли его со стойки и привязали к деревянной кровати. Двое стражников, вооружившись длинными гвоздями и молотками, пригвоздили его плечи к дереву.

Когда длинные гвозди вошли в тело, Шэнь Цюэ увидел лишь ослепительно-белую вспышку, смешанную с кроваво-красным, от которой перехватило дыхание.

Как же больно, подумал он.

Он увидел, как тюремщик достал черную железную расческу. Он знал эту пытку: кипяток обжигает кожу, превращая плоть в нечто мягкое, а затем железными зубьями мясо сдирают слой за слоем.

Те, у кого слабое здоровье, умирали еще до того, как оголялись кости.

Шэнь Цюэ не боялся смерти, но когда кипяток оказался совсем близко, он все же ощутил страх. Тем не менее, он крепко сжал зубы.

Он верил: если он примет смерть как невинный, Его Высочество обязательно отомстит. Пока в сердце жива эта преданность, остальное неважно.

Если Ванъе запомнит его, он умрет без сожалений.

<http://bllate.org/book/19999/1972161>